

КАПИТАЛ РАЗНООБРАЗИЯ: НЕ РОСКОШЬ, А НЕОБХОДИМОСТЬ

Rouble Blair A. Creating Diversity Capital: Transnational Migrants in Montreal, Washington and Kyiv. Washington, D.C.: Woodrow Wilson Center Press; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005. 267 p.

Книга Блэра Рубла, директора Института Кеннана в Вашингтоне, «Создавая капитал разнообразия» (Rouble 2005) призвана помочь дать ответ на вопрос, волнующий многих в эпоху глобализации: как адаптировать города к изменениям, происходящим вследствие больших транснациональных миграционных потоков? Ответ автора — увеличивать капитал разнообразия, который он определяет как способность общества это разнообразие вместить. Для более четкого разъяснения данного понятия Рубл обращается к концепции устойчивого социального развития городов (urban social sustainability), сформулированной исследователями Ричардом Стерном и Марио Полезе. Капитал разнообразия — это способность поддерживать устойчивое социальное развитие городов в условиях постоянного притока мигрантов, что в свою очередь требует разработки и поддержания «политики и институтов, которые интегрируют различные группы и культурные практики практики справедливым образом» — цитирует Рубл Стерна и Полезе (Там же: 6).

Для доказательства своего тезиса Рубл рассматривает три города в качестве «кейсов», которые объединяет одно свойство, — все они крупные метрополисы, в течение долгого времени разделенные на два недружественных лагеря по этническому, расовому, религиозному или лингвистическому признаку. Так, Монреаль до недавних пор представлял собой, по выражению канадского писателя Хью Макленнана, «город двух одиночеств» — биполярный мегаполис, в котором боролись за влияние франко-католическая и англо-протестантская общины. Вашингтон (вместе с прилегающими районами) являлся округом, поляризованным по расовому признаку, — с «шоколадным центром», населенным афроамериканцами, и «ванильным мороженым» белых пригородов по краям. Киев после распада Советского Союза и обретения независимости Украиной оказался расколот на русскоязычную и украиноязычную общины. Если руководствоваться здравым смыслом, то может показаться, что там, где межэтнические и расовые конфликты и без того сильны, появление новых для этого места этнических групп должно было бы только усложнить ситуацию и добавить к существующему противостоянию новые конфликты. Однако, как показывает Рубл, этого не только не происходит, но, наоборот, транснациональные мигранты, являясь своего рода «связующим звеном», способствуют ослаблению многолетнего противостояния между «традиционными» группами. Fight fire with fire (клин клином вышибают) — гласит английская пословица. Там, где есть борьба между этническими, расовыми или языковыми группами, нужно добавить новые группы — такую мысль можно почерпнуть из книги Блэра Рубла. Но, разумеется, не просто добавить (тем более что процесс этот достаточно стихийный, и не существует повара, который добавлял бы новые «этнические ингредиенты» в уже готовое блюдо), а увеличить капитал разнообразия, т. е. обеспечить политические и институциональные условия для интеграции всех групп в новое мультикультурное и гетерогенное целое (Rouble 2005: 81).

Книга удачно организована не по «кейсовому», а по аналитическому принципу. Вместо того чтобы подробно рассматривать случай за случаем (с риском, что читатель может запутаться в многочисленных подробностях и «проглядеть» общую концептуальную структуру книги), автор «нанизывает» выбранные кейсы на проверенный временем аналитический каркас. За первой частью (введением), где сжато изложена концепция капитала разнообразия, определены задачи исследования и обоснован выбор кейсов, следуют части, посвященные социальным, экономическим и политическим трансформациям в рассматриваемых городах и роли в них транснациональных мигрантов, в результате чего межгрупповые противоречия были сглажены, а капитал разнообразия увеличен.

Теории, посвященной концепции капитала разнообразия, явно недостает. В книге лишь четыре страницы, где эта концепция обсуждается в теоретическом ракурсе. Всего в нескольких абзацах автор «разбирается» с конкурирующей концепцией социального капитала, развиваемой Робертом Патнэмом и «академической мини-индустрией» (Rouble 2005: 7), занимающейся замером уровня социального капитала в различных сообществах. На мой взгляд, введение нового понятия, конкурирующего с тем, что уже опробовалось в сотнях, если не тысячах, теоретических и эмпирических исследований, требует более тщательной и детальной концептуализации. Дело тут не столько в отсутствии должного почтения к Патнэму, Коулману, Бурдые и другим теоретикам социального капитала, сколько в недостаточной глубине анализа. Так, социальный капитал рассматривается лишь в одном измерении: «сводящий» (bridging) социальный капитал, объединяющий гетерогенные группы и «связующий» (bonding) капитал, объединяющий гомогенные группы, которые Рубл не совсем верно отождествляет с «хорошим» и «плохим» типами социального капитала в интерпретации Патнэма (Там же: 206). В то же время сам Патнэм пишет, что «группы, в которых превалирует связующий капитал — совсем не обязательно плохи; в самом деле, данные свидетельствуют о том, что большинство из нас получают социальную поддержку от связующих, а не сводящих социальных связей» (Putnam 2004: 11). В этой же книге Патнэм рассматривает четыре измерения, по которым может быть концептуализирован социальный капитал. В частности, он рассматривает «смотрящий внутрь» (inward-looking) в сравнении «смотрящим вовне» (outward-looking) социальным капиталом (Там же: 11). Это различие уже ближе к различению, проводимому Рублом между концепцией социального капитала и капитала разнообразия, хотя, безусловно, и не тождественно ему.

Чего действительно недостает первой концепции и что Рубл вносит своим понятием — это динамическое измерение. Социальный капитал, несмотря на все богатство своих форм, — статическая концепция, измеряющая различные аспекты уже существующих социальных связей, тогда как капитал разнообразия отсылает к трансформации социальных отношений. Капитал разнообразия — своего рода индикатор социальной гибкости общества, его готовности к институциональным и политическим изменениям, необходимость которых диктуется все возрастающей диверсификацией демографического состава. Этим объясняется критическое отношение автора книги к возможностям применения социального капитала к анализу миграции: ученые, использующие эту концепцию, исследуют уровень *интеграции* мигрантов в уже сложившиеся сообщества и *воспроизводство* существующих властных отношений. Рубла же интересует *воздействие* мигрантов на сложившиеся сообщества и *трансформация* под их влиянием городских социальных, экономических и политических систем. «Мигранты изменяют город, а не город ассимилирует мигрантов...» (Rouble 2005: 7). В то же время сам Рубл не до конца последователен.

Так, в третьей главе при обсуждении воздействия транснациональных мигрантов на социальные и экономические трансформации в Киеве он пишет, что школьная система способствует *ассимиляции* транснациональных мигрантов в местную жизнь, формируя таким образом капитал разнообразия (Там же: 79–80). Что это как не прямое противоречие с теоретическими положениями, развиваемыми в начале книги? Одним словом, более тщательная концептуальная проработка текста и более внимательное использование терминов сделали бы книгу более выигрышной в теоретическом отношении.

Выбор кейсов во многом продиктован самим названием книги — «Создавая капитал разнообразия». В отличие от множества исследователей, занимающихся измерением уровня социального капитала в различных обществах, Рубл задается целью понять, как аккумулируется капитал разнообразия там, где до недавнего времени уровень этого капитала оставял желать лучшего. С практической точки зрения выбор автора выглядит весьма оправданным: что толку восхищаться этническим плюрализмом и гармонией, царящими в Нью-Йорке и Амстердаме (служащими для автора парадигмальными примерами высокого капитала разнообразия), и оплакивать менее удачливые в отношении толерантности городские сообщества (именно это, кстати говоря, ставили в вину Патнэму его критики)? Гораздо важнее понять, как можно создать капитал разнообразия там, где его либо нет, либо он присутствует в зачаточной форме. Чтобы определить влияние транснациональных мигрантов на развитие этого капитала в биполярных сообществах, Рубл анализирует изменения в трех городах, стоящих на разных ступенях «эволюционной лестницы» капитала разнообразия. Это «зрелый» и уже накопивший значительный потенциал абсорбции разнообразия Монреаль, только недавно изменивший свой контрастный «черно-белый» облик Вашингтон и находящийся в «младенческом состоянии» в отношении капитала разнообразия Киев.

Во второй и третьей главах Рубл подробно описывает изменения, произошедшие в городской экологии рассматриваемых городов, — массовая миграция кардинально изменила облик таких традиционно биполярных городов, как Монреаль и Вашингтон, и, хотя и не в такой степени, уже начала воздействовать на городской ландшафт еще не так давно практически полностью «украино-русского» Киева. Солидная эмпирическая база, представленная автором, описывающая изменения в паттернах проживания, образования и сферы занятости в Монреале и Вашингтоне, не оставляет никаких сомнений в масштабе произошедших социальных и экономических трансформаций. Данные по Киеву — менее убедительны. Это признает и сам Рубл: город все еще стоит на перепутье — власть предрасполагает к выбору, конструировать ли инклюзивную постсоветскую идентичность, включающую в себя транснациональных мигрантов, или искать новых париев, контраст с которыми и создает настоящую этнически и лингвистически чистую «украинскость» (Rouble 2005: 28).

Важнейшую роль в создании капитала разнообразия Рубл отводит политическому действию. Именно через политические процессы возникают институции и проводится социальная политика, способствующие аккомодации транснациональных мигрантов в городские сообщества (Там же: 81). Политическим изменениям, произошедшим в Монреале, Вашингтоне и Киеве начиная с 1960-х гг., посвящена примерно половина книги. Однако читатель, рассчитывающий узнать, какие институты и социальная политика, служащие механизмом взаимной интеграции мигрантов и «традиционных сообществ» — т. е., собственно, капитал разнообразия, — появились в результате этих изменений, может быть разочарован. Так, в главе о полити-

ческих пертурбациях в Монреале представлен крайне увлекательный анализ политической конкуренции между сторонниками отделения Квебека и их противниками на уровне администрации города, муниципальных преобразований, таких как слияние с пригородами в «большой Монреаль» с последующим самоисключением ряда англоязычных пригородов из юрисдикции города, и ряда других вещей.

Тем не менее транснациональным мигрантам в этих процессах отведено лишь несколько страниц. Из них можно понять, что транснациональные мигранты были своего рода разменной картой в борьбе англоязычной и франкоязычной общин (и различными франкоязычными фракциями между собой) Монреала за влияние. Одним из результатов этой борьбы явился выход в 2004 г. множества англоязычных пригородов за пределы юрисдикции города Монреала. Вряд ли это можно рассматривать как пример успешной интеграции. С другой стороны, этот выход усилил электоральное влияние транснациональных мигрантов, что объективно может способствовать повышению их роли в жизни города (Там же: 109). К сожалению, в главе не представлено конкретного описания тех институтов и практик, которые повысили способность города к взаимной интеграции различных групп.

Глава о смене муниципального режима в Вашингтоне не менее увлекательна. Из нее читатель узнает о коррозии и деградации некогда прогрессивной городской администрации, члены которой заработали свой политический капитал в бурный период борьбы за гражданские свободы афро-американского населения в 1960-х и 1970-х гг. К концу своего правления, наступившего в 1998 г., крайняя бюрократизированность, низкая эффективность и беспомощный финансовый менеджмент этой администрации стали настолько явными для избирателей, что даже беспроигрышные в прошлом избирательные технологии, основанные на недоверии и страхе афроамериканцев перед белыми, дешевом популизме и окроено расистской риторике «вечного мэра» Вашингтона Мэриона Барри, оказались бессильными предотвратить коллапс. Накануне перед выборами мэр заявил, что избрание представителей «из той же культуры и расы, что и доминирующее население обеспечит более продуманную разработку и применение городской политики» (Rouble 2005: 134). Фигура Мэриона Барри вообще достойна пера Роберта Пенна Уоррена. Бесконечные скандалы, связанные с употреблением крэка и слабостями «по женской части», долгое время прощались ему избирателями, для которых цель не допустить «захвата белыми контроля над Вашингтоном» была более значимой, чем технические премудрости эффективного управления городом. Однако выяснилось, что эксплуатировать страх и недоверие, а также тясти орденами, полученными в «славные 60-е», можно все-таки не до бесконечности — терпение избирателя (пусть и чрезмерно озабоченного расовыми вопросами) тоже имеет свои пределы. И то что в 1998 г. оно наконец лопнуло и на муниципальных выборах население города закрыло глаза на многолетние межрасовые конфликты и выбрало прагматиков (оказавшихся в большинстве своем белыми), нацеленных на улучшение эффективности городских служб и повышение качества жизни в городе, служит убедительным свидетельством в пользу тезиса Рубла об увеличении капитала разнообразия в Вашингтоне.

Вся история со сменой режима говорит о том, что даже элита, пришедшая к власти под самыми благородными лозунгами (и действительно много сделавшая для устранения несправедливостей прошлого), неизбежно деградирует и подвергается коррозии, если она фиксируется на прошлом, игнорирует настоящее и отказывается смотреть в будущее. Как показывает Рубл, немалую роль в победе прагматиков над идеологами сыграли транснациональные мигранты, для которых расовые битвы прошлого оказались малозначимыми при голосовании (Rouble 2005: 133). Однако,

отмечает автор, в целом, в изменении политической жизни в Вашингтоне их роль была все-таки ролью заднего плана (Там же: 143).

И здесь мы снова возвращаемся к вопросу о тех самых институтах и социальной политике, чья функция должна состоять во взаимной интеграции различных общественных групп. В этой главе автор останавливается на них более подробно. Им рассматриваются такие инициативы по включению транснациональных мигрантов в полноценную общественную жизнь, как обеспечение городских сервисных услуг на языках, отличных от английского, предоставление права участвовать в городских выборах негражданам и запрещение полицейским проверять миграционный статус при выполнении правоохранительной деятельности. Первая и третья инициативы уже воплощены в жизнь, вторая пока что дебатруется, но тем не менее ясно: вывод Рубла об увеличении капитала разнообразия в Вашингтоне эмпирически оправдан. Конечно, не столь оправданным выглядит нормативное утверждение, выдвигаемое автором, о культурной платформе — своего рода базальтовом основании, на котором должно покоиться межкультурное целое. Рубл утверждает, что «в конечном счете, интеркультурный Вашингтон должен быть укоренен в афроамериканской идентичности» (Rouble 2005: 150), аргументируя это тем, что афроамериканцы сыграли неоценимую роль в становлении городского сообщества, и игнорирование данного факта в вопросе о культурной платформе было бы несправедливым.

Однако здесь возникает ряд вопросов. Как быть с другими городами, например с теми, неоценимую роль в жизни которых сыграли белые протестанты? Что, если предложить другим этническим и расовым группам (тем же афроамериканцам), которые появились на городской арене позже, чтобы они не забывали, что культурная идентичность, в которой должно быть укоренено межкультурное разнообразие, может быть лишь белым протестантским? Не рискует ли автор подобной нормативной культурной конструкции быть обвинен в расизме? И если да, то не присутствуют ли в конструкции Рубла двойные стандарты?*

На мой взгляд, подобные конструкции могут быть освобождены от подозрения в применении двойных стандартов (пусть и скрытом и ненамеренном) при одном единственном допущении: расизм может быть явлением, присущим исключительно сильным в социальном отношении этническим или расовым группам. Такое допущение представляется мне в корне неверным — расизм, определяемый как набор стереотипов (и поведение на его основе), приписываемый всем или большинству представителей той или иной расы, встречается во всех расовых или этнических группах, даже самых бесправных. Из этого следует, что любые нормативные высказывания должны быть «расово-слепы» (color-blind). Мне думается, что для интеграции различных групп и культурных практик справедливым образом, т. е. для устойчивого социального развития городов, оперируя терминами Стерна и Полезе, необходим поиск инклюзивной общенациональной культурной платформы, а не построение этой платформы на основе партикулярной культурной идентичности одной из составляющих групп (пусть и несправедливо дискриминируемых в прошлом или даже настоящем). В противном случае существующие линии раскола приобретут еще более четкие очертания: одни города будут объявлены «культурно-черными», другие «культурно-белыми», третьи «культурно-латинскими», и несть этому числа. Другое дело, что задача это крайне трудна и решения ее пока не видно...

---

* Я далек от того, чтобы обвинять Рубла в каком-либо сознательном применении двойных стандартов — на мой взгляд, его текст является отражением американского публичного дискурса «политкорректности», с его двойными стандартами по отношению к большинству и меньшинствам, сильным и слабым социальным, этническим и прочим группам.

Транснациональные мигранты гораздо плотнее вплетены в нарратив о политических трансформациях в Киеве. И это неудивительно, ведь именно в Киеве институтом Кеннана было проведено собственное оригинальное исследование транснациональных мигрантов (во всех остальных городах использовался вторичный анализ данных). Это делает главы, посвященные Киеву, эмпирически более наполненными, и в то же время методологию компаративистского исследования менее строгой — выводы работы, выполненной с применением единой методологии, были бы более обоснованными. Сам исторический нарратив о пертурбациях в Киеве, и прежде всего об «Оранжевой революции», по всей видимости, будет менее интересен российскому читателю, хорошо знакомому с ними из других источников. К тому же, на мой взгляд, он страдает определенной ангажированностью — уж слишком явно сквозит симпатия автора к лагерю Ющенко.

Собранные автором данные о капитале разнообразия в Киеве подтверждают его позицию о том, что в столице Украины этот вид капитала находится в «младенческом состоянии». Рубл и сам признает, что рассмотрение Киева в работе о капитале разнообразия может быть преждевременным (Rouble 2005: 196). Тем не менее данные по этому городу интересны сами по себе. В частности, они свидетельствуют о том, что рядовые жители Киева более толерантно настроены к разнообразию и «инаковости», чем местная политическая элита и СМИ. Данный факт внушает надежду, в конце концов в демократическом государстве политики должны прислушиваться к мнению общества. Межэтническая толерантность рядовых жителей Киева в этом случае может являться залогом будущего роста капитала разнообразия.

Подводя итоги, можно сказать, что Рубл преуспел в том, чтобы показать, насколько сильно транснациональные мигранты изменили облик, социальную и экономическую структуру исследуемых городов-кейсов. Их роль в качестве «связующего звена» между «традиционными» (кто-то из российских политиков мог бы сказать «коренными») группами позволила смягчить многолетнюю поляризацию. Показать прирост в этих городах капитала разнообразия Рублу тоже удалось, хотя аргументация его в этом вопросе уже не столь убедительна. Тут надо отдать должное автору — он не столь наивен, чтобы рисовать радужную картину «празднования разнообразия» в Монреале и Вашингтоне, не говоря уж о Киеве. Исследователь отдает себе отчет в том, что капитал разнообразия в них достаточно хрупок, противоречия между доминирующими группами до сих пор сильны, и перед ними (особенно после 11 сентября) все еще стоит выбор: превращаться ли в осажденную крепость или быть открытыми к принятию новых, «нетрадиционных» для них, этнических групп. Подобная хрупкость роднит капитал разнообразия с социальным капиталом: оба они зарабатываются долго и мучительно, а разрушаются в мгновение ока.

В то же время рост капитала разнообразия — не роскошь, а необходимость; в развитых странах, где рост или даже простое поддержание уже существующего уровня жизни экономически немыслимо без притока транснациональных мигрантов, способность городов гармонично абсорбировать новые этнические группы становится важнейшим фактором их конкурентоспособности, а может быть, даже и выживания. Работа Блэра Рубла при всех ее недостатках (а у какой интересной и открывающей новые исследовательские перспективы работы их нет?) является удачной демонстрацией того, что несмотря на все трудности, связанные как с историческим бременем, так и с современными вызовами, капитал разнообразия все-таки может быть увеличен, а межгрупповые конфликты сглажены.

Литература

Putnam R.D. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford University Press, 2004.